

Мажитова Ж.С.¹, Омарова Б.К.²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Университет «Астана»,
Казахстан, г. Астана, e-mail: mazhitova_69@mail.ru

²канд. истор. наук, доцент, заведующая кафедрой истории Казахстана и философии,
АО «Медицинский университет Астана», Казахстан, г. Астана, e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИНСТИТУТА БИЕВ
(1917 г. – середина 1930-х гг.):
ПОЛЕМИКА ПО ПРОБЛЕМЕ «БЕСКЛАССОВОЕ РОДОВОЕ
ИЛИ КЛАССОВОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО»**

В статье рассматривается полемика среди советских исследователей о характере общественных отношений в казахском обществе в досоветскую эпоху. Работы авторов выявили неодинаковый подход к этому вопросу: одна группа исследователей считала казахское общество бесклассовым, в котором родовые отношения оставались неизменными и род выступал основным самостоятельным и главнейшим субъектом права; другая часть исследователей была уверена в том, что развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения привели к дифференциации общества в классовом отношении на две полярные группы.

Ключевые слова: история Казахстана, советская историография, родовое общество, классовое общество, бий.

Mazhitova Zh.S.¹, Omarova B.K.²

¹Doctor of history, associate professor, professor in humanitarian disciplines at «Astana» University,
Kazakhstan, Astana, e-mail: mazhitova_69@mail.ru

²Candidate historical scenes, Head Department of Kazakhstan and philosophy
JSC «Astana Medical University», Kazakhstan, Astana, e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru

**Historiography of the Institution of Biys (from 1917 to mid – 1930s):
Debate on the Issue of «Classless Tribal or Class Feudalistic Kazakh Society»**

The article reviews the polemics among the soviet researchers upon the social relations of Kazakh society in the pre-soviet era. The findings of authors had different approaches regarding this issue: one group of researchers considered Kazakh society classless, with the intact tribal relations, whereat the tribe was the core autonomous subject of law; other researchers believed that the development of commodity exchange economy and different noneconomic forces had led to social class differentiation into two polar groups.

Key words: History of Kazakhstan, Soviet Historiography, Ancestral Society, Class Society, Biy.

Мәжитова Ж.С.¹, Омарова Б.К.²

¹«Астана» университеті гуманитарлық пәндер кафедрасының профессоры,
тарих ғылымдарының докторы, доцент, Қазақстан, Астана қ., e-mail: mazhitova_69@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақстан тарихы және философия кафедрасының меңгерушісі,
АҚ «Астана медицина университеті», Қазақстан, Астана қ., e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru

**Билер институтының тарихнамасы (1917 – 1930 жж. ортасы):
«қазақ қоғамының тапсыз рулық немесе таптық феодалдық дау» мәселесі**

Мақалада Кеңес зерттеушілерінің арасында кеңес дәуіріне дейінгі қазақ қоғамында қоғамдық қатынастардың сипатына байланысты даулы мәселелер қарастырылады. Авторлардың жұмысы бұл мәселеге әртүрлі көзқарас қалыптастырды: зерттеушілердің бір тобы қазақ қоғамын тапсыз

қоғам, яғни рулық байланыс өзгеріссіз, ал ру негізгі құқықтың дербес субъектісі болып қалды десе, келесі бір зерттеушілер тобы тауарлық шаруашылықтың дамуы, әртүрлі экономикадан тыс мәжбүрлеу қоғамның таптық жағынан екі қарама-қарсы топтың бөлінуіне әкелгеніне сенімді болды.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы, кеңестік тарихнама, рулық қоғам, таптық қоғам, би.

Введение

В 1920-е гг., период становления марксистской исторической науки, когда ленинские методологические установки и оценки исторических явлений еще не утвердились, допускалась определенная вольность в исторических исследованиях. Уже в 1920-е годы среди исследователей формируются разные подходы к пониманию прошлого казахского народа. Нас, в первую очередь, интересует полемика между двумя наметившимися направлениями по вопросу общественных отношениях среди казахов досоветского времени: эти отношения трактовались, с одной стороны, как родовые, доклассовые, а с другой – как феодальные, подразумевающие классовое деление общества.

Научный спор возник, на наш взгляд, в связи с теми мероприятиями, которые проводились властью в советских республиках. X съезд Коммунистической партии (1921) взял курс на замену продразверстки продналогом (фиксированному налогообложению). Новая экономическая политика (НЭП) предполагала привлечь крестьянина на сторону Советской власти, заинтересовать его в увеличении производства сельхозпродукции. Либерализация экономической жизни вызвала изменения в общественно-политической жизни, в том числе и кочевников. Первая мировая война, затем две революции 1917 г., гражданская война с продразверсткой подорвали скотоводческое хозяйство кочевников-казахов. Теперь, в условиях НЭПа все элементы традиционной структуры – хозяйства общинников, мелких и крупных скотовладельцев стали возрождаться. В самом скором времени НЭП привел к появлению тех сил (байских хозяйств), борьба с которыми была основным лозунгом большевиков. Проблемы поиска классовых противоречий среди кочевников и живучести «патриархально-родовых пережитков», которые не вписывались в общую картину построения однотипного советского общества, стали предметом дискуссий и критики среди исследователей. Взгляды ученых по этим вопросам можно условно разделить на

два направления: сторонников родовой теории и сторонников классовой природы общества.

Методы

Авторы при написании статьи опирались на общенаучный принцип историзма, который предполагает преемственность в исторических явлениях, неразрывную связь прошлого и настоящего. Подобный метод позволил рассматривать научное знание как целостную систему, в которой каждый предшествующий подход косвенно или прямо влиял на последующий, что в совокупности позволило составить систематический ряд научно-теоретических выкладок по государственно-религиозным отношениям в советский период.

Исследование также основано на другом общенаучном принципе – объективности, требующем рассмотрения всех сторон предмета исследования вне зависимости от этнокультурных предпочтений и политических пристрастий историографа. Этот принцип требует тщательного сопоставления исторических фактов и явлений в совокупности, то есть всестороннего изучения проблемы. В свою очередь, это позволит исследователю избежать предвзятого отношения при интерпретации источников и сделать верные обобщающие выводы по проблеме.

Компаративный метод позволил исследовать историографию проблемы в тесной связи с социально-политической и исторической обстановкой, в результате которой она возникла и действовала.

Результаты

Выводы и результаты историографического исследования, проведенного в рамках данной работы, имеют как теоретический, так и прикладной характер. Научно-теоретические проблемы и разработки, затронутые в статье, могут быть использованы при написании специальных и обобщающих работ по истории и историографии досоветского казахского общества.

Полемика вокруг теории о «родовых» и «классовых» отношениях в казахском досоветском обществе

Суть концепции «родовой теории» заключалась в отрицании самой возможности возникновения феодализма у кочевников, их общественный строй представлялся в виде неизменных родоплеменных и общинных отношений.

Одной из первых этнографических работ по истории казахов является книга историка А.П. Чулошникова, в которой он, основываясь в основном на трудах дореволюционных российских исследователей (Л.А. Словохотова, И. Крафта, Н. Харузина и др.), сделал обзор истории казахов до середины XVIII в. (Чулошников 1924).

А.П. Чулошников утверждал, что общественные отношения в казахском обществе можно охарактеризовать как патриархально-родовые: «...в основе всего социального и правового строя тогдашнего казак-киргизского (казахского. – авторы) союза, как единого национального целого, лежало именно родовое начало, совершенно еще не тронутое никакими другими отношениями ...вплоть до XVIII века» (Чулошников 1924: 200). Род выступал, по мнению ученого, тем основным самостоятельным и главнейшим субъектом права, который обеспечивал жизненную поддержку и условия существования каждому своему члену, без исключения. Все члены рода держались один другого. Родовая солидарность, своеобразные условия скотоводческого хозяйства приводили к нивелировке материальных различий между общинниками, что позволило сделать ученому вывод об отсутствии классовой дифференциации внутри казахского общества.

В середине 1920-х гг. несмотря на относительные успехи советской власти в укреплении аульных советов в городах, в кочевом и полукочевом ауле еще прочно держали позиции родовые отношения. Положение дел на местах выразил секретарь Казахского Крайкома ВКП (б) Ф.И. Голощекин, выступая перед парламентом республики в 1926 г.: «Мы не учли и не учитываем, при построении совета в ауле, две вещи – живучесть родовых отношений и влияние байства. Мы строим советы в ауле также, как в Курской, Тверской и любой губернии центральной России. В этом, мне кажется, основная ошибка, основной недочет. Если мы этого не учтем, мне кажется, мы будем биться напрасно и все наши хорошие пожелания будут разбиваться об эту

косность, об этот факт в жизни аула» (Советская Степь 1926).

В свете сказанных слов в Казахстан ВЦИК организуется несколько экспедиций в 1925-1928 гг., которым предстояло изучить состояние казахского хозяйства, быт и право кочевников.

В 1925 г. по поручению Казкрайкома ВКП (б) экспедиция О. Джандосова и В.Г. Соколовского обследовала аулы Алма-Атинского уезда. На основании полученных данных была издана работа статистика В.Г. Соколовского, в которой автор поставил задачу «дать настолько сжатый анализ общей обстановки аула, насколько это позволяет необычайная сложность вопроса, общая неосведомленность в нем и недостаток располагаемого мною сейчас времени» (Соколовский 1926: 1).

Исследование аулов подводит В.Г. Соколовского к твердому убеждению, что «родовые моменты не только сохранились, но и, что самое главное, остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится» (Соколовский 1926: 7). Важным моментом, на наш взгляд, в работе В.С. Соколовского является положение о том, что родовые отношения не являются закостенелой, статичной системой. Наоборот, подстраиваясь под новые производственные отношения, подразумевающие синтез плановой социалистической экономики и экстенсивного мелкотоварного скотоводческого производства, эти отношения рожают «новых героев», которые сосредоточили в своих руках как старые (родовые), так и новые (социалистические) функции по управлению общиной. Ученый называет этих людей «аткамынерами» (буквально: атка-мынер – сидящий на лошади. – авторы). Являясь представителями родовой администрации, они становятся посредниками между властью и аулом, осуществляют «все сношения последнего с внешним миром по всем вопросам» (Соколовский 1926: 21) (курсив автора).

Выводы В.Г. Соколовского наводят на мысль, что в русле принципов обычного права выдвинуты из кочевой среды на основе прежних родственных и клановых сетей сумели включиться в новые правила игры, использовать определенный административный и неформальный ресурс для работы в качестве посредников между партийно-советско-общественными организациями и местным населением. Появление таких выдвинутцев можно наблюдать и в доре-

волюционное время. Тогда их называли «переводчиками», «посредниками».

Во второй половине 1920-х гг. доводы сторонников родовой теории стали постепенно утрачивать позиции. В это время в республике начинается широкомасштабная кампания государства по коллективизации и силовому оседанию кочевников. Задача представлялась трудная, так как, заметил секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики, «мы встречаемся с сильным сопротивлением экономически и культурно более сильного русского кулачества. С другой стороны, мы имеем и имели со стороны казахских биев и мулл и их идеологов-националистов желание создать привилегии для казахской национальности» (Голощекин 1930: 33). Фронтальное вторжение государства на кочевую периферию с целью изъятия натурального продукта повсеместно могло вызвать протест кочевников. Успех реформы мыслился Ф.И. Голощекину при условии силовой диктатуры в отношении кулачества и байства как класса: «Мы конфискуем бая – главу рода, это труднее чем помещика. Помещик для крестьянина чужой, был понятный враг; в ауле же при родовом патриархальном быте – бай свой, глава своего рода» (Голощекин 1931: 200).

Можно сказать, что коллективизация и массовое оседание кочевников к началу 30-х гг. окончательно решили исход классовой борьбы с байством в ауле и кулаком в деревне в пользу государства. Не случайно в это время все больше ограничивается научный плюрализм, ученые ориентируются на изложение истории в русле ленинско-сталинских положений о роли классовой борьбы и пролетариата в историческом развитии.

Оппонентами сторонников родовой теории в дискуссии об общественном строе казахов стали сторонники классовой природы общества. Одной из первых серьезных работ в этом направлении стала коллективная монография П. Погорельского и В. Батракова «Экономика кочевого аула Киргизстана» (Погорельский, Батраков 1930). В 1927 г. этими учеными в ходе экспедиционного обследования были изучены форма и характер социальной эволюции, организация, экономика хозяйств, расположенных в бассейне реки Су-самыр, Джумгол. Однообразность и специфичность кочевого хозяйства центральноазиатских племен имела естественным следствием появление одинаковых форм социальной организации. Поэтому сведения П. Погорельского и В. Батра-

кова о социальной организации киргиз могут быть вполне отнесены к казахскому обществу.

По мнению ученых, социальная организация киргизов имела ярко выраженную классовую структуру. Развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения, дифференциация общества на две полярные группы привели, по мнению П. Погорельского и В. Батракова, к появлению группы биев как кочевой феодальной знати: «Не подлежит никакому сомнению одно, что так называемые бии в свое время представляли собою власть, мало похожую на власть при господстве «родового начала». Власть эта опиралась на силу и принуждение» (Погорельский, Батраков 1930: 140).

Обозначенные этими авторами два исследовательских принципа оказали большое влияние на все последующие работы в данном направлении. Во-первых, классовый подход ученых при характеристике дореволюционного киргизского общества был принят последователями этого принципа как концептуальная установка при исследовании социальных отношений в дореволюционном кочевом обществе. В то же время трудно проследить причины, время и характер трансформации таких институтов, как «батыр – бий – манап» (Мананы – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время. См.: Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.). Это, в свою очередь, привело к тому, что вплоть до начала 1940-х годов (В начале 1940-х гг. появляются фундаментальные исследования по социально-политической истории Казахстана таких видных ученых, как М.П. Вяткин, А.П. Бернштам, С.Л. Фукс и др.). Вопросы социально-политической истории кочевников, в том числе казахов, оставались слабо разработанными и спорными. Во-вторых, предмет необходимо было изучать в его эволюционном развитии. Впоследствии эта концепция приобрела характер доминирующей парадигмы в советской исторической науке. Речь идет не об авторской концепции П. Погорельского и В. Батракова, а о влиянии монографии этих ученых на утверждение нового концептуального подхода при изучении истории общественных отношений.

Устойчивость позиций родовой аристократии связана с тем, что характерной чертой политико-правовой культуры кочевого общества, несмотря на новую систему власти, оставалась

приверженность к компромиссу, подчинение авторитету таких лидеров, которые, аккумулировав традиции и правовые знания, смогли стать посредниками между общиной и советской бюрократией.

Среди немногочисленных исследований этого направления, посвященных изучению социальной организации кочевников с классовых позиций, следует выделить работы профессора-историка С.Д. Асфендиарова (Асфендиаров 1935; Прошлое Казахстана 1935; Прошлое Казахстана 1936). Его научный труд по истории казахского народа с древности до 1917 г. является обобщающей работой, в которой отразилась концепция о поступательном развитии кочевых народов от первобытного состояния (первобытно-общинного строя) к классовому (капиталистическому) обществу, закрепив марксистские схемы исторического процесса.

С.Д. Асфендиаров относит зарождение классовых отношений к XVI в., когда в плане социально-экономической структуры казахское общество разделилось на два непримиримых лагеря – феодалов и рядовых кочевников. К первым ученый относит хана, батыров, баев, ходжей и, конечно, биев, которые представляли «зародыш государственного аппарата. Бии являлись как бы идеологами казахского феодализма» (Асфендиаров 1935: 90).

В это время под внешней оболочкой родового общества происходит накопление средства производства (скота) в руках родовой верхушки, которая, вступая во внешние торговые сношения, постепенно превращалась в настоящего хозяина этих средств.

Анализ работ С.Д. Асфендиарова наводит на мысль о присутствии едва уловимого двусмысленного подтекста. С одной стороны, всеохватывающее господство идеологических установок определило подход автора к освещению истории казахского общества. К примеру, его критическое отношение к русско-казахским отношениям, которые он описывает как «грабеж», «притеснение», «колонизация казахских земель» со стороны Российской империи (в духе «школы М.Н. Покровского»).

С другой стороны, обвиняя М. Тынышпаева и других представителей национальной интеллигенции в буржуазном национализме, С.Д. Асфендиаров сам не избежал некоторой идеализации при изложении исторического прошлого. Например, он пишет: «...царское правительство расчленило Казакстан, создав условия, затрудняющие национальное объединение ка-

заков» (Асфендиаров 1935: 146); в отношении биев заметны ностальгические ноты: «Каждая Казакская орда имела своих знаменитых биев: Старшая орда – Толе-бия, Средняя – Казбек-бия, Младшая – Айтеке-бия. Бии ...как носители народных традиций сохраняли в народной памяти авторитет со времени первобытной демократии родового общества» (Асфендиаров 1935: 90). Смеем предположить, что проскальзывание «ностальгических» нот среди общепринятых в исторической науке выражений как «колонизация», «феодалы» и т. д. говорило, скорее всего, о научных установках ученого, которые он старался вплести в общую канву изложения материала и придать им характер скрытого предпочтения. Во всяком случае, внимательное чтение работ С.Д. Асфендиарова подводит именно к такому заключению.

Большой вклад С.Д. Асфендиарова в развитие исторической науки Казахстана неоспорим. В частности, он одним из первых показал кочевую культуру как цивилизационную целостность, а его социальная характеристика казахского общества послужила ориентиром в научных исследованиях на долгие десятилетия вперед.

В то же время работа С.Д. Асфендиарова, написанная в традициях проблематики советской исторической науки (колониальные захваты Российской империи, роль классовой борьбы в казахском ауле, критика деятельности алашордынцев и т. д.), подтверждает тезис: «Уже к середине 30-х гг. советская историческая наука при активном участии Покровского была накрепко вбита в прокрустово ложе марксизма-ленинизма» (Российская 1996: 168).

Таким образом, одна группа исследователей считала, что казахское общество, несмотря на все эволюционные процессы, оставалось в своей основе традиционным, бесклассовым (С.Г. Соколовский, Т. Рыскулов и др.). Невольно продолжая традиции дореволюционной историографии, исследователи считали, что любое вторжение в экосистемы кочевников самопроизвольно, с целью самосохранения, приводит к отторжению чужеродных элементов, как негодных в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. При этом сохранялись практически в неизменном виде те институты, которые позволяли этнической общности приспособиться к новым социально-экономическим и культурным изменениям. Одним из таких институтов исследователи считают биев, аксакалов, которые рассматривались

как представители родовой демократии. Это они пронесли сквозь время ценностные постулаты народа, укреплявших этнический фундамент кочевников – родоплеменную структуру общества, адаптированную к суровым природным условиям путем экстенсивного скотоводства. Сторонники этой концепции считали, что такое общество не имеет классовых противоречий, следовательно, говорить об эксплуатации трудового народа не приходится. Родовая вер-

хушка рассматривалась как представительница родовой демократии.

Другое направление представлено работами сторонников изложения истории в контексте классовой парадигмы развития (П. Погорельский, В. Батраков, Г.С. Тогжанов). Исследователи пытались выработать систему взглядов на вопрос о классовом содержании общественно-политической жизни номадов, в которую прочно были вплетены родовые формы бытия.

Литературы

- Асфендиаров С.Д. (1935). История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство.
- Голощекин Ф.И. (1930). Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Гос. издательство РСФСР. Казакское краевое отделение.
- Голощекин Ф.И. (1931). Казакстан на путях социалистического переустройства. Москва; Алма-Ата: Объединенное гос. издательство.
- Погорельский П., Батраков В. (1930). Экономика кочевого аула Киргизстана. Москва: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р.
- Прошлое Казакстана в источниках и материалах (1935). Сб. 1 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство.
- Прошлое Казакстана в источниках и материалах (1936). Сб. 2 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство.
- Российская историография (1996). Москва: Российс. гос. гуманит. ун-т.
- Советская Степь (1926). № 101. 7 мая.
- Соколовский В.Г. (1926). Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ.
- Чулошников А.П. (1924). Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древние время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство.

References

- Asfendiarov S.D. (1935). Istoriya Kazakstana (s drevnejshih vremen) [The history of Kazakstan (from ancient times)]. Т. 1. Alma-Ata: Kazakstanskoe kraevoe izdatel'stvo.
- Goloshchekin F.I. (1930). Desyat' let projdennyh i predstoyashchie zadachi [Ten years passable and forthcoming tasks]. Alma-Ata: Gos. izdatel'stvo RSFSR. Kazakское kraevое otdelenie.
- Goloshchekin F.I. (1931). Kazakstan na putyah socialisticheskogo pereustrojstva [Kazakstan on the ways of socialistic reorganization]. Moskva; Alma-Ata: Ob»edinennoe gos. izdatel'stvo.
- Pogorel'skij P., Batrakov V. (1930). Ehkonomika kochevogo aula Kirgizstana [Economy of nomadic aul of Kyrgyzstan]. Moskva: Izdanie Sovnarkoma K.A.S.S.R.
- Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah (1935) [The past of Kazakhstan is in sources and materials]. Sb. 1 / Pod red. prof. S.D. Asfendiarova. Alma-Ata: Kazahstanskoe kraevое izdatel'stvo.
- Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah (1936) [The past of Kazakhstan is in sources and materials]. Sb. 2 / Pod red. prof. S.D. Asfendiarova. Alma-Ata: Kazahstanskoe kraevое izdatel'stvo.
- Rossiyskaya istoriografiya (1996) [Russian historiography]. Moskva: Rossijs. gos. gumanit. un-t.
- Sovetskaya Step' (1926) [Soviet Steppe]. № 101. 7 maya.
- Sokolovskij V.G. (1926) Kazakskij aul [Kazakh aul]. Tashkent: KazCSU.
- Chuloshnikov A.P. (1924). Ocherki po istorii Kazak-Kirgizskogo naroda v svyazi s obshchimi istoricheskimi sud'bami drugih tyurkskih plemen [Essays on history of Kazak-Kirgiz of people in connection with the general historical fates of other turkic tribes]. CH. 1: Drevnie vremya i srednie veka. Orenburg: Kirgizskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.